

**В.В. Верещагин**

# **Наполеон в России**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
В11

**В.В. Верещагин**  
В11 Наполеон в России / В.В. Верещагин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 193 с.

**ISBN 5-900646-20-3**

Наполеон I - яркая историческая фигура, привлекающая внимание многих поколений. Давно не переиздававшаяся работа В. В. Верещагина дает оригинальную и непривычную трактовку личности французского императора. Она заинтересует не только специалистов, историков и искусствоведов, но и самого широкого читателя обращением к некоторым подробностям частной жизни Наполеона.

**ISBN 5-900646-20-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2013  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2013  
© В.В. Верещагин, 2013

ВАСИЛИЙ ВЕРЕЩАГИН  
«НАПОЛЕОН В РОССИИ»



# ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не задавался целью писать в строгом смысле «историю» кратковременных завоеваний Великой армии в России. Имея надобность ознакомиться, для моих картин, с личностью и образом действий Наполеона, в 1812 году, я выписал из свидетельств очевидцев и современников то, что показалось мне наиболее характерным, в уверенности, что эти заметки будут небезынтересными и для общества.

Прилагаю имена авторов, сочинениями которых я более или менее пользовался.

В. Верещагин<sup>1</sup>.

*Анштедт, A.F.de B., Барклай, Бернадот, Богданов, Богданович, Bulletins, Бутурлин, Bourgeois, Bourgogne, Булгаков, Wilson, Глинка, Граббе, Gourgaud, Daumery, Давыдов, Данилевский, Deniee Dumas, general; Durdent, Duverger, Journal, pendant la compagnie de 12; d'Ysnar, chevalier; Constant, Кербелецкий, Кутузов, Кичеев, Корнет, записки; Labaume, Lettres sur la guerre de 1812; L.G.L.D., Marbot, Moniteur, Marin de la Garde, Муравьев, Officier de la jeune garde, Оленин, Попов, Pradt, l'Abbé, Porter, Roos, Ростопчин, Rapp, Segur, Soltyk, Saint Brice, Терконель, лорд; Толычева, Fain, Fezensac, Fusil, m-me; Феофилакт, De la Fluse, Феньшау, Чернышев, Chambray, Chaptal, Шаховской, C-sse Choiseil Gouffier, Шишков.*

# ПОЖАР МОСКВЫ

Наполеон шел в Россию с намерением восстановить Польшу, а если император Александр не смирится, то и освободить крестьян – эта последняя мера должна была, впрочем, только служить одним из средств обуздать противника, так как завоеватель далеко не имел сентиментальной любви к свободе вообще.

Он полагал найти в России народ, готовый сбросить рабство, и если до некоторой степени не ошибся, в том смысле, что о воле народ действительно толковал, ждал ее, то не понял, что средства для приведения этой мысли в исполнение должны были быть радикально противоположны средствам, пущенным им в ход.

Несправедливо было бы сказать, что при движении Наполеона внутрь России вовсе не было смуты и измены – они были, только сравнительно невелики и вскоре покрылись общим единодушным негодованием, которому немало способствовало варварское поведение французских и особенно союзных им войск.

Внушения неприятеля жителям о том, что во всех занятых местностях русские власти, чиновники и помещики не будут допущены, – настолько поколебало умы, что местами крестьяне помогали неприятелю отыскивать фураж и скрытое имущество, а то так даже и пускались на открытый грабеж господских домов. Тут и там крестьяне отказывались давать лошадей под господ: «Как же, станем мы лошадей готовить про господское добро; придет Бонапарт, нам волю даст, – мы господ знать не хотим!» – говорили местами.

Что касается самих господ, если с одной стороны Энгельгард поступил как истинный патриот – остался в деревне и навредил, сколько мог, французам, а когда на него донесли, не оправдываясь, бесстрашно принял смерть, – то с другой видели, как князь Багратион сорвал крест с шеи одного чиновника и объявил его изменником, недостойным служить своему государю. В захваченной коляске французского генерала Монбрюна, между другими бумагами, найдена была записка, сообщавшая о плане предположенной русскими атаки, выданном, очевидно, кем-либо из офицеров русской главной квартиры.

Особенно непонятно поведение Могилевского и Витебского духовенств, настолько поверивших рассказам о непринадлежности более завоеванных губерний к России, что епископ Варлаам и сам принес присягу на верность Наполеону, и разослал через консисторию указ всем священникам своей паствы: принявши ту же присягу, поминать в церквах вместо императора Александра Наполеона<sup>2</sup>.

За архиереем, священник Добровольский и многие другие, отправляя литургию и молебны, вовсе не упоминали никого из фамилии Императорского Русского Дома, а молились «о здравии французского императора и италийского короля великого Наполеона».

По отступлении французов немало было дел о смуте между духовными и гражданскими властями, и архиепископ Феофилакт, посланный для водворения духовного порядка в крае, писал министру: «По гражданской части все следы измены закрыты и гражданский губернатор граф Толстой, зная совершенно, кто был изменником, поневоле продолжает служить с ними...»

Интересно, что маршал Даву, герцог Экмюльский, лично вступил в догматический спор с Могилевским архиепископом и предложил, признав совершивший-

ся факт, поминать на эктениях императора Наполеона, причем оперся на слова Евангелия «воздайте Кесарево Кесарю, а Божие Богу». – «Именно этого я и держусь», – ответил архиерей, – поминая своего государя...» – «Но ведь Кесарь в этих словах означает наиболее сильного, победителя», – объяснил маршал...

«В народе, бесспорно, было недовольство, – говорит А. F. de-B., бывший офицер русской службы, – и чем далее шел неприятель, тем оно сказывалось сильнее. Расположение умов было очень и очень сомнительное, но Наполеон, или, вернее, войска его, сами позаботились о том, чтобы вырвать из среды крестьян слабые зачатки веры в его освободительные намерения. Скоро стали расходиться в народе слухи, что неприятель грабит и обращает церкви в конюшни, святые иконы топчет, рубит на дрова, не щадит жителей, ни жен их, ни девиц, ни даже детей, все добро крестьянское забирает, а воли объявлять и не думает... Тогда крестьяне стали поголовно уходить в леса со своим добром и жечь то, чего нельзя было спрятать».

Известно, какие обиды терпели обыкновенно жители стран, подвергавшихся французскому нашествию, но никогда, вероятно, они не доходили до такой степени неистовства, как в эту кампанию. О разорениях и грабежах по дороге многие беспристрастные очевидцы—французы дают интересные подробности. Labaume приводит несколько случаев самого варварского обращения войск с частною собственностью: «Мы вошли, – говорит он, – в большое поместье Введенское – прелестное место с прекрасно отделанным внутри и снаружи домом; в несколько минут все было разбито и разнесено так, что даже не успели ничем воспользоваться...» Другой раз «мы остановились в богатом доме, с чудесным садом. Видимо, помещение только недавно было отделано, но уже разорено самым ужасным образом: везде по дорожкам валялась разбитая мебель, обломки дорогого фарфора и многоцветных гравюр, вырванных из рам и разброшенных по ветру...»

Bourgeois говорит, что «жители, выгоняемые из домов пожаром, бросались куда попаало. Иногда они искали спасения у бесчеловечных солдат, которые их дочиста грабили... Все женщины хватались и подвергались последним оскорблениям... Даже разрывали могилы, ища спрятанных сокровищ. После этого стало понятно, почему французы встречали одни пылающие города, стало понятно, что русские хотели заставить их идти по пустыням без жилья, без пищи, даже без воды: перед тем, как жечь дома, жители засоряли колодцы нечистотами и падалью, жгли запасные магазины, гумна и стога сена – словом, не щадили ничего».

Известно, как ответили москвичи на призыв императора Александра. Много ратников предложено было дворянами, много денег купцами. Хотя часть ратников была доставлена поздно, а часть денег вносилась силком еще в 1814 году – нет сомнения, что народ московский, не допуская и мысли о какой-нибудь уступке Наполеону, решился воевать с ним до крайности. Нашлось, правда, несколько дворян и немало купцов, согласившихся поступить на службу в наполеоновскую администрацию, но эти отдельные случаи не изменяют общего патриотического характера отношений Москвы к завоевателю.

Как могло случиться, что в Москве осталось столько невывезенного добра? Дело просто: Наполеон выиграл Бородинскую битву, и столица очутилась в его власти, так как удобного поля для нового сражения не было, да к тому же резуль-

тат второй битвы был бы, пожалуй, тот же, что и под Бородиным, где французская армия получила тяжелый нравственный удар, но материально осталась победительницей, отбросила русскую армию, осмелившуюся преградить ей путь. Вряд ли можно было надеяться, что вторая большая битва под Москвою была бы удачнее первой, только потому, что солдат одушевляло бы желание во что бы то ни стало спасти матушку-старушку: во-первых, войска русские понимали и под Бородиным, что они служат последнею защитой святому городу; во-вторых, и французы, со своей стороны, удвоили бы усилия, так как им предстояло бы тогда или занять хорошие квартиры, отдохнуть, заключить мир и проч., или, отступив, бежать до границы, и они тоже во что бы то ни стало должны были бы еще раз если не разбить, то столкнуть русских со своей дороги. Москву не только оставили без боя, а просто бросили, так как известно, что москвичи не успели вывезти ни своих сокровищ, ни церковной утвари, ни домашней обстановки, ни товаров, ни хлеба. Даже арсенал остался невывезенным!

Объяснение этому – в несогласии высшего начальства города и армии, Ростопчина и Кутузова. Оба умные, настойчивые и при всех других качествах капризные, не нашли ничего лучшего, как пикироваться и не доверять друг другу в то время, когда город ждал или защиты, или откровенного совета выезжать. Кутузов, более опытный и по летам, и по долгой боевой службе, Кутузов – который, по словам Репнина, доступен всякому, но которого сердце недоступно никому – конечно, много, не менее Ростопчина, выстрадал между Бородиным и Москвою, и если решил сдать город неприятелю, то потому, что другого исхода ему не представлялось. Все демонстративные споры Бенигсена и выходки Ермолова в противоположном смысле звучали фальшиво, и он справедливо не обратил на них внимания. Еще Барклай говорил в дни своей ответственности, что «когда дело идет о спасении России, то Москва то же, что и всякий другой русский город», и умный, прозорливый Кутузов, которого, по словам Суворова, «и Рибас не смог бы обмануть», – держался того же мнения.

«Если нужно, почтите видом сражения древние стены Москвы», — писал он Милорадовичу, изрекая этим конфиденциальным приказом старому боевому товарищу и ближайшему помощнику окончательный приговор столице; Ростопчину же, бывшему временщику, болтуну и остряку, он совсем не сообщил своих намерений, забывая, что этот болтун и остряк – доверенное лицо государя по охранению жизни и имущества жителей столицы.

Если главнокомандующий армии поступил недоверчиво и лукаво с военным генералом Ростопчиным, то и главнокомандующий Москвы слишком надменно требовал «объяснений» от «старой кривой бабы», как он называл Кутузова.

"Обоз наш грабит народ, — писал Ростопчин, — **извольте** мне сказать, твердое ли вы намерение имеете удерживать ход неприятеля к Москве и защищать город сей. Посему я приму все меры: или, вооружа всех, драться до последней минуты, или, когда вы займетесь спасением армии, я займусь спасением жителей и со всем, что есть военного, направлюсь к вам на соединение. Ваш ответ решит меня, а я по смыслу его действовать буду: с вами перед Москвою или один в Москве".

«Кривая баба», прямо говорившая «своим», что надобно «или спасти армию, или спасти Москву», требуя от московского главнокомандующего провианта и фуража, отнеслась только снисходительно к великодушному, но непрактичному



намерению идти к нему на помощь со всяким, чем попало вооруженным, московским сбродом и вовсе не ответила о своих намерениях касательно Москвы. Когда на совете в Филях, куда Ростопчин даже не был приглашен, решили отступать — спасать что-либо было уже поздно.

«Если неприятель займет Москву, то расплывется в ней, как губка в воде, а я буду свободен действовать, как захочу», — совершенно справедливо говорил Кутузов, но Ростопчину от этого было не легче: он был прямо обманут Кутузовым, клявшимся своими сединами, что «скорее умрет, чем сдаст Москву». «Когда паны дерутся, — говорит пословица, — у холопцев чубы болят», — за недоразумение между главнокомандующими поплатились жители Москвы. Застигнутый врасплох, граф Ростопчин принужден был «faire bonne mine au mauvais jeu»<sup>3</sup> и, в противность прежним уверениям и похвальбам, успел только наскоро озаботиться раздачею народу оружия из арсенала — лишь бы оно не досталось неприятелю — выливанием на улицы водки из бочек и т. п. да выездом близких лиц и своей собственной особы. Последнее оказалось не легко исполнимым, как показал вызванный этим отъездом случай убийства купеческого сына Верещагина.

Эта история теперь хорошо разъяснена: полиция уведомила главнокомандующего Москвы о том, что народ, осведомленный об его приготовлении к отъезду из города, толпами валит к его дому и хочет требовать объяснения по поводу его прежних обещаний — вести их против неприятеля, — и что, пожалуй, сброд этот силой воспрепятствует его выезду. — Народу только что роздано было оружие из арсенала, и толпа явилась вооруженная винтовками без курков, ржавыми саблями и пиками — в том самом вооружении, в котором главнокомандующий Москвы хотел вести их на Наполеона. Ростопчин, не имевший в своем распоряжении достаточно военной силы и боявшийся оскорбления достоинства своего высокого сана, решился на хитрость: как волкам, преследующим путников, бросают что-либо могущее задержать их и дать возможность людям спастись, так он вывел к бушевавшей толпе осужденного за перевод иностранного памфлета купеческого сына Верещагина и, объявив его «изменником, из—за которого гибнет Москва и Россия», велел расправиться с предателем своим судом; а когда толпа, не видевшая связи причины с действием, т. е. измены человека с отъездом главнокомандующего, не решалась «бить» — приказал драгуну рубить юношу палашом...

Еще трепещущий труп Верещагина был привязан за ноги к лошадиному хвосту, и чернь, глумясь, и ругаясь, бежала за ним по улицам. Волоча труп, толпа спустилась вниз по Кузнецкому мосту, повернула направо на Петровку, потом по Столешникову переулку на Тверскую, оттуда на рынок (Охотный ряд) и наконец тело приволокли на Софийку, где оно было брошено за ограду небольшой церкви позади Кузнецкого моста и впоследствии похоронено<sup>4</sup>.

Граф Ростопчин тем временем сел в экипаж, поданный к заднему крыльцу, и выехал из города.

\* \* \*

Известно, что покойный император Александр I не благоволил к Кутузову со времени Аустерлицкого сражения, на которое Кутузов не соглашался, а был только исполнителем плана австрийского генерал-квартирмейстера Вейнротера,

того несчастного плана, который был вполне одобрен императорами русским и австрийским. Тогда вина австрийца была приписана Кутузову. Впоследствии государь, вспоминая об Аустерлицком сражении, сказал: «Я был молод и неопытен, Кутузов мне говорил, что надобно действовать иначе, но ему следовало быть в своих мнениях настойчивее». Император называл Кутузова комедиантом и плаксой и, однако, несмотря на все это нерасположение, назначил старого сподвижника Суворова, «комедианта» и «плаксу», главнокомандующим всех армий, действовавших против Наполеона, уступая в этом случае голосу общественного мнения.

Говорят, что, отправляясь к войскам, Кутузов ни себя, ни других не обольщал надеждою разбить Наполеона и высказывал надежду только обмануть его.

По прибытии к армии новый главнокомандующий, с одной стороны, польстил солдатам, громко сказавши, что с такими молодцами нельзя отступать, а с другой – подтянул офицеров, объявивши в приказе, что «в самое короткое время поймано разбредшихся до 2000 чинов и что такое непомерное число отлучившихся от своих команд солдат, во избежание службы, доказывает необыкновенное ослабление надзора господ полковых начальников». Нужно заметить, что к назначению Кутузова, встреченному радостно общественным мнением, многие, близко знавшие старого генерала, лица отнеслись недоверчиво; так, пылкий Багратион, всячески порочивший прежде Барклая, называл теперь нового главнокомандующего «мошенником, способным изменить за деньги».

После решенного на военном совете в Филях отступления, русские войска стали проходить через город на Рязанскую дорогу. Глинка видел Кутузова за заставою, сидевшего на дрожках, погруженного в глубокую думу. Полковник Толь подъехал к нему и доложил о том, что французы уже вошли в Москву. – «Слава Богу, – ответил Кутузов, – это их последнее торжество». Полки медленно проходили мимо генерала, сидевшего неподвижно, облокотясь правой рукой о колено, как будто ничего не видя, ничего не слыша.

Войска отступали городом в большом беспорядке: обозы сталкивались, различные команды отыскивали свои полки; отдельные солдаты порывались грабить. Народ обступил транспорты с ранеными – сердобольные женщины бросали в повозки деньги, не боясь зашибить больных тяжелыми пятаками.

Если бы в это время Наполеон догадался послать на отступавших русских несколько полков своей кавалерии, то, конечно, истребил бы весь наш арриергард. – Но Наполеону в это время было не до того: он стоял за Дорогомиловской заставой в ожидании депутации города: требовал к себе «негодяя» Ростопчина, коменданта, обер-полицмейстера, городского голову – никто не являлся. Кутузов, введя его в Москву, не оставив за собой следа, свернул в сторону и надул противника: в то время, как тот объявлял Европе, что русские бегут в расстройстве по Казанской дороге, он, быстро повернув с Рязанской дороги на Калужскую, стал в заслон хлебобродных, не тронутых нашествием губерний. Чья собственно была эта мысль – до сих пор точно не разъяснено, но мысль была счастливая, чреватая последствиями, выгодными для русских, губительными для французов.

В Москве в это время была полная неурядица: из более зажиточных жителей остались только те, которые поверили афишам Ростопчина и не вывезли своего добра, в надежде, что оно будет защищено; некоторые, впрочем, может быть, надеялись половить рыбки в мутной воде; затем осталась голытьба и немало

преступников; всего осталось тысяч до пятнадцати человек. Подозревавшийся в вольных мыслях почт-директор Ключарев выслан; разные носители смуты: помянутый Верещагин казнен, бывший студент Урусов, доказывавший, что приход Наполеона послужит к общему благу — сначала был засажен, потом выслан; наконец, портным, намеревавшимся бить иностранцев, была, для успокоения, своевременно, по приказанию Ростопчина, пушена кровь (!), а самые иностранцы удалены на барке в Нижний Новгород.

Как выше помянуто, перед самым вступлением неприятеля приказано было разбивать в кабаках бочки с вином — народ на них накинудся и перепился; вино текло по улицам, и люди припадали к мостовой, чтобы сосать его, при чем, разумеется, были крик и драки.

«Отец был упорный человек, — вспоминает одна мещанка, — ни за что, говорит, не пойду, нечего француза бояться, мы его шапками закидаем... Раздавали оружие в Кремле, и он себе достал ружье без курка: хоть оно, говорит, и не в исправности, а все же пригодится: может, придется француза пострашать... Дошли мы до Каменного моста, тут столпилось человек сто наших, а по мосту проходили неприятельские полки. Отец вздумал погрозиться на них своим ружьем: один из них рассердился, выхватил у него ружье и ударил бедного прикладом по затылку — кровь брызнула из раны»...

«Раз сижу я под окном, — рассказывает жена священника, — и чулок вяжу. Вдруг подбежала дьячиха: матушка, говорит, ребята сказывают, что Бонапарте вышел в Дорогомиловскую да Калужскую заставу. — У меня чулок из рук выпал, я так и крикнула: Дмитрий Власыч, слышишь? — А муж сидел в другой комнате и писал. Он спрашивает: что там случилось? — А то, говорю, случилось, что Бонапарте пришел, дьячиха рассказывает. — Он рассмеялся: эх ты, говорит, дура баба, дьячихе веришь, а генерал-губернатору не веришь. Вот она графская-то афишка, ведь я ее тебе читал — поди-ка лучше да вели самоварчик поставить».

"Отправили мы в ряды кухарку за провизией, — продолжает дальше та же рассказчица, — да позвала она с собою моего двоюродного брата, Сидором Карпычем его звали. А он захватил с собою кувшинчик да деревянную ложку: медку, говорит, очень захотелось, а там стоят целые кадки, так я себе и положу. — Пришли, ряды пусты, кое—где промелькнет кто из неприятелей или из наших, забирают себе что под руку попадет. Аксинья пошла за чаем, за сахаром, а он за медом, и говорит ей: заберем, что надо, и жди меня, я живо покончу. Насыпала она чаю в салфетку и сахару битого захватила и ждет Сидора Карпыча, а его нет как нет; уж она думала: не случилось ли чего с ним. Пошла бы к нему, да боится запутаться в рядах; сижу, говорит, в лавке, да молитву творю! Вдруг слышит, он ее выкликает: Аксиньюшка, голубушка, где ты? Она вышла из лавки да так и обмерла: весь ряд пустой, идет к ней человек не человек, а чучело какое—то, она сперва не разобрала, что такое. Как они поравнялись, так девка померла со смеху: весь он с ног до головы в меду обмазан, на голове—то шапка медовая, а лицо и не разглядишь. — И рассказал он ей, что стал в кувшин меду класть, а пришли трое каких—то и говорят: отдай кувшин. А он не дает: зачем, говорит, вы шли с пустыми руками? — Дай, говорят, кувшин! — Сидор Карпыч схватил кувшин да хотел с ним бежать. Они его догнали, отняли кувшин, озорники этикие, да бултых в медовую бочку головой! — Я, говорит, света не взвидел, совсем задыхаюсь. Стал барахтаться, кое-как голову высвободил, а ноги так и вязнут; нос,

рот, глаза и все залепило. Хочу рукой лицо обчистить, а руки-то все в меду. Такой густой проклятый мед, точно в смолу в него увяз. Уж не знаю, долго ли я тут промучился, а чувствую, что у меня в голове помутилось.

Собрался я с последними силами, схватился за край кадки и вылез вон. Стал на ноги и ничего не вижу, не соображу куда идти...

Мы после об этом много лет спустя без смеху вспомнить не могли. Особенно дьячиха, шутница такая, как его увидит: не угостить ли, говорит, тебя, Сидор Карпыч, медком? ведь ты охотник!"

Французы тем временем входили в город и, по выражению Кутузова, расплывались в нем, как губка в воде; некоторые только проходили улицами и становились бивуаками по окрестным селам за городом, другие, как гвардия, помещались в самом Кремле.

«Мы были поражены чудным видом Москвы, и авангард с восторгом приветствовал город криком: Москва! Москва! – говорит Labaume. – Все бросились на высоту и наперерыв один перед другим открывали и указывали друг другу новые красоты. Дома, выкрашенные разными красками, купола, крытые железом, серебром и золотом, удивительно разнообразили вид; балконы и террасы дворцов, памятники и особенно колокольни давали нам в общем картину одного из тех знаменитых городов Азии, которые до тех пор мы считали существовавшими только в воображении арабских поэтов».

Милорадович, командовавший арриергардом, предложил Мюрату не слишком напирать и дать русским войскам спокойно отойти, угрожая в противном случае зажечь за собой город, и король Неаполитанский, с дозволения Наполеона, согласился. Передовые французские войска смешались с казаками, шедшими в тылу русской армии, и Мюрат имел случай блеснуть между «варварами» роскошью своего наряда. Он выпросил бурку у одного из старших казацких офицеров и отплатил за нее дорогими золотыми часами, взятыми у одного из своих офицеров.

По мере того, как французы занимали громадный город, они все более и более поражались его мертвенным покоем и пустынностью — полная тишина кругом невольно заставляла и их соблюдать молчание, нервно прислушиваться к гулко раздававшемуся стуку лошадиных копыт о мостовую. Самым храбрым было не по себе от этой пустоты — при длине улиц не было возможности с одного конца различать людей на другом, и трудно было разобрать, кто там впереди двигался, друг или враг! Случалось, что, охваченные безотчетным страхом, одни части войска бежали перед другими, своими же...

Солдат Bourgonne наивно выражает свое удивление пустому виду города: «Мы были очень удивлены, не видя никого: хотя бы какая-нибудь дамочка послушала нашу полковую музыку, наигрывавшую мотив „победа наша!“ Мы не знали решительно, чему приписать эту полную тишину: этакий славный город и вдруг молчаливый, угрюмый, пустой! Слышен был только шум наших шагов, барабанов и музыки – конечно, и с нашей стороны было не очень-то много разговоров! Мы только посматривали друг на друга и про себя, признаться, думали, что жители, не смея показаться на улицах, смотрят на нас в щелки ставней: оттуда ведь легко было смотреть, так что самих их не было видно. Ну как же, в самом деле: можно ли было подумать, чтобы такие богатейшие дворцы, такие красивые богатые постройки были брошены владельцами... Через час, примерно,